КРЕЩЕНИЕ И ХРИСТИАНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ ПРИВЕРЖЕНЦЕВ ТРАДИЦИОННЫХ ВЕРОВАНИЙ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В 1830–1913 ГОДАХ: ОПЫТ ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

ЧГВ, 2012 г., № 7
© Р.Р. Исхаков

Статья посвящена исследованию реализации курса государства и духовного ведомства на крещение и христианское просвещение представителей традиционных верований Волго-Уралья в 1830–1913 гг. Иллюстрируются изменения в сфере конфессиональной политики имперского руководства, приведшие к переходу к более осмысленной христианско-просветительской деятельности Русской православной церкви в регионе. Даны статистические данные о численности приобщенных к православию «язычников», показывающие реальные результаты этой деятельности.

Ключевые слова: межконфессиональные отношения, христианизация, традиционные верования.

Хотя в ходе массовых крещений нерусских народов в XVIII в. Русской православной церкви и удалось добиться существенного расширения социокультурного пространства православия в Волго-Уральском регионе, тем не менее и в XIX в. «истинное язычество» продолжало занимать в нем значимые позиции. На данной территории группы приверженцев «веры предков» продолжали составлять устойчивые относительно многочисленные сообщества. Само их существование имело исключительно важное значение для сохранения этнической культуры местных «инородцев», их религиозно-мифологических, бытовых и природно-экологических представлений, базировавшихся на политеистической традиции. Оставшиеся очаги «истинного язычества», подпитывавшие через культурные и семейно-брачные контакты этническую среду нерусского населения и являвшиеся «форпостами» традиционалистского уклада жизни, длительное время позволяли им устойчиво развиваться, а региону – сохранять мультикультурный и поликонфессиональный характер.

Радик Равильевич Исхаков – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; e-mail: ishakov83@rambler.ru.

«Языческие» представления и мировоззрение «инородцев», в том числе представителей местного нерусского населения, официально числившихся православными христианами, являлись важнейшими составляющими их этнической идентичности. Отказ от «старой веры» для них было равносильно отказу от своей самобытности, потере связи с предками, культурными корнями этноса. Не случайно в языках местных народов для обозначения приверженцев традиционных верований применялись такие термины, как «истинный», «настоящий» чуваш, удмурт, мари («чӑн чӑваш», «чимарий», «чын удмуртъес»)[1]. Напротив, прозелиты, живущие «по-русски» – в православии, воспринимались в патриархальном обществе местных народов (за исключением мордвы и отчасти – горных марийцев) как лица, потерявшие наряду с «чистотой» веры предков и важную часть своей этнической идентичности.

Территория расселения представителей традиционных этнических верований охватывала широкую область Волго-Уральского региона. Для наглядности приведем статистические данные, подготовленные губернскими статистическими комитетами и дирекциями народных училищ в 1868–1869 гг. по распоряжению попечителя Казанского учебного округа П.Д. Шестакова. Они дают общую картину этноконфессионального состава коренного нерусского населения края (см. табл. 1).

Таблица 1

Численность представителей коренного нерусского населения (за исключением татар и башкир) по конфессиональному статусу в губерниях Волго-Уральского региона по данным губернских статистических комитетов и дирекций народных училищ за 1869 г.[2]

Губернии	Чуваши		Удмурты		Бесермяне		Марийцы		Мордва		Пермяки	
	а	б	а	б	а	б	а	б	а	б	а	б
Казанская	353 760	6 812	5 258	2 459	-	-	97 899	4 105	18 405	-	-	-
Симбирская	104 228	32	-	-	-	-	-	-	149 069	-		
Самарская	53 241	3 930	1 257	-	-	-	-	-	176 536	-	-	-
Саратовская	10 000	-	-	-	-	-	-	-	94 000	-	-	-
Вятская	-	-	205 169	14 143	1 374	70	90 992	9 614	-	-	7 650	-
Пермская	-	-	-	2 953	-	-	3 392	6 329	-	-	61 103	-
Уфимская	30 729	3 567	1 994	18 000	-	-	4 172	47 000	18 650	-	-	-
Оренбургская	87	587	-	-	-	-	-	-	12 728	1 563	-	-
Итого	**552 045**	**14 928**	**213 678**	**37 555**	**1 374**	**70**	**196 455**	**67 048**	**469 388**	**1 563**	**68 753**	**-**

а – крещеные; б – некрещеные.

Как видно из приведенных данных, группы приверженцев традиционных верований в той или иной степени были представлены во всех этнических сообществах региона за исключением русских, татар, башкир пермяков и бесермян. Наряду с традиционными местами компактного проживания представителей этих народов в XVIII – начале XIX в., за счет

естественной миграции отдельные группы переселенцев из чувашей, удмуртов, марийцев и мордвы закрепились на новой территории Приуралья. Одной из основных причин мощного переселенческого движения «инородцев» на восток стала политика правительства, направленная на принудительное насаждение в их среде православия во второй трети XVIII в. Этим можно объяснить тот факт, что на территории Оренбургской и Уфимской губерний, где вплоть до второй половины XIX в. активность православной церкви и государства в распространении христианства была низкой[4], образовались наиболее многочисленные и устойчивые группы «язычников». У отдельных этнических сообществ численность «язычников» превышала число лиц, официально принадлежавших к православной конфессии. Так, в Оренбургской и Уфимской губерниях из 19 994 удмуртов 18 000 являлись «язычниками», что составляло 90,02 % от их общей численности. В этих же административных единицах из числа мари приверженцами политеизма были 47 000 чел. (91,84%). Лишь численность официальных христиан из числа чувашей и мордвы была выше, чем их некрещеных соплеменников: у чувашей соответственно 30 816 чел. (88,12%) и 4 154 чел. (11,18%), у мордвы – 31 378 чел. (95,25%) и 1 563 чел. (4,75%). Основной областью расселения представителей традиционных верований в Волго-Камье являлись Казанская, Вятская и Самарская губернии. Здесь проживало некрещеных чувашей – 10 742 чел. (2,57% от их общей численности в этих губерниях), мари – 13 719 чел. (7,26%), удмуртов – 16 602 чел. (7,27%). Особой конфессиональной целостностью отличались удмурты Пермской губернии, практически полностью относившиеся к последователям «веры предков». Наиболее крупные религиозные сообщества последователей традиционных верований сохранились у марийцев – 67 048 чел. (34,12% от их общей численности), удмуртов – 37 555 чел. (17,57%), чувашей – 14 928 чел. (2,7%). Всего же по данным губерниям числилось 121 094 «официальных» «язычника».

В целом можно отметить, что в середине XIX в. традиционные верования продолжали играть важную роль в культурно-религиозном пространстве Волго-Уральского региона, а мир «язычества» включал в себя далеко не только официальных последователей веры предков, но и более многочисленные группы «язычествующих» и «двоеверов» из числа номинальных христиан, в религиозных представлениях которых «языческие» представления продолжали играть доминирующую роль. В связи с этим миссионерская деятельность в отношении «язычников» и борьба за «искоренение языческих заблуждений» продолжала занимать важное место в политике государства и православной церкви, оказывая влияние на этноконфессиональные процессы в среде нерусского населения Волго-Уральского региона.

Несмотря на модернистские изменения в конфессиональной политике имперского руководства России, в последней трети XVIII – начале XIX в. приведшие к выстраиванию относительно терпимого отношения к «иноверческим» религиозным объединениям, императивами внутриполитиче-

ского курса государства оставались патерналистский подход в решении межконфессиональных вопросов и поддержка усилий православной церкви по распространению идей христианства среди представителей других религиозных групп. На протяжении всего XIX в. правительство сохраняет курс на проведение христианизации «инославного» и «иноверческого» населения страны, оказывая административную, правовую, финансовую поддержку Русской православной церкви (РПЦ). Правда, взгляды политической элиты на участие государства в этом процессе и формы ее реализации на практике в это время в значительной степени претерпели изменения. Органы верховной власти продолжали видеть в христианизации, как и в русификации, наиболее верный и последовательный путь к прочной интеграции нерусских народов в российское сообщество. Данное мнение подкреплялось культурно-историческими реалиями складывания Российской империи, способствовавшими укоренению взгляда на принадлежность к господствующей конфессии как одной из основных критериев «русскости», лояльности граждан к фигуре православного царя.

Сложившаяся система государственно-церковных отношений в России предполагала дифференцированный подход к вопросам поддержки признанных в империи религиозных сообществ, охранения их прав и церковного дисциплинирования. В наиболее привилегированном положении находились господствующее в стране вероисповедание и его общественные институты. Патерналистское отношение государства к РПЦ было связано не только с «особыми» отношениями, сложившимися между светской властью и православной иерархией в ходе длительного периода формирования страны, но и являлось важным аспектом функционирования имперского строя, государственной идеологии. Правовой статус конфессиональных групп в имперском пространстве определялся критерием «истинности», то есть близости их религиозных догматов к учению православной церкви[5].

В соответствии с этой системой, сконструированной на основе модели секуляризованных государств Западной Европы, в наиболее дискриминационном положении оказались конфессиональные группы, не относившиеся к авраамической традиции, обозначавшиеся в официальных делопроизводственных документах под общим термином «язычники»[6]. Хотя de facto со времени правления Екатерины II политеистические культы народов Волго-Уралья, наряду с другими религиозными вероучениями, представленными в регионе, были признаны государством, de jure государственные структуры как на общеимперском, так и местном уровне часто продолжали игнорировать религиозно-культурные нужды и интересы «язычников», проводили курс на разрушение их религиозной инфраструктуры[7]. Несмотря на то, что эти действия обосновывались желанием предотвратить возможность «соблазна» и апостазии номинальных христиан, вырубка священных рощ и уничтожение других мест «языческого» поклонения были продиктованы среди прочего и желанием уменьшить влияние идей этих религиозных учений в крае, заменить их христианской традицией.

В отличие от позиции государства и церкви в проведении курса на христианизацию мусульманского населения, который в XIX в. стал иметь скорее идеологическое, нежели практическое значение, в отношении представителей традиционных этнических верований сохранялся приоритет на дальнейшую массовую и, по сути, всеобщую религиозную унификацию. Различие взглядов в этом вопросе было связано с целым рядом факторов. В отличие от мусульманской общины, сумевшей сохранить свою конфессиональную целостность в ходе акции по массовому обращению в православие в годы существования Новокрещенских дел конторы, «языческий мир» нерусских народов края понес существенные потери. Большинство представителей коренного нерусского населения, за исключением татар и башкир, было официально обращено в христианство. Это позволяло надеяться на дальнейшее расширение влияния православия среди местного немусульманского населения, что вполне согласовывалось с распространившимися в эпоху европейского просвещения среди политической элиты позитивистскими взглядами, в соответствии с которыми вытеснение «язычества» монотеистической традицией являлось неизбежным и закономерным результатом культурного и религиозного просвещения «темных восточных племен». Именно глубоко укоренившиеся среди русской бюрократии субъективные взгляды на несоответствие политеистических верований местных народов культурному и социальному статусу региона и его жителей, нетерпимое отношение к иному религиозному мироощущению и религиозная ксенофобия способствовали форсированию процесса обращения в православие с использованием административного и полицейского ресурсов. Дополнительным аргументом в проведении этого курса в глазах администрации выступали практические задачи социальной и культурной интеграции «инородческого» населения Волго-Уралья. В отличие от других конфессиональных групп «язычество» не обладало институциональной системой религиозных организаций, не поддавалось полному контролю со стороны государства, практически не могло быть применено в деле продвижения государственной идеологии и формирования верноподданнейших чувств в населении. В связи с этим государственные структуры были заинтересованы в использовании всего спектра возможных механизмов по прочной инкорпорации представителей традиционных верований в общеимперское правовое и социальное пространство, в первую очередь путем их религиозной и культурно-языковой унификации[8].

Оживление миссионерской деятельности православной церкви в отношении представителей традиционных верований Волго-Уралья отмечается в конце 1820-х – начале 1830-х гг. В это время было санкционировано создание новых миссионерских институтов, направленных на христианское просвещение мусульманского и «языческого» населения края, воцерковление номинальных христиан. Первый такой орган, представленный специальными окружными миссионерами из числа белого (впоследствии и черного) духовенства, был создан в 1827 г. в Казанской епархии. В дальнейшем пра-

вославные миссии учреждаются в Вятской (1830 г.) и Симбирской (1836 г.) епархиях. Активизация миссионерского движения была связана с отмечаемым в это время процессом массового отхода местного нерусского населения от православия в прежние свои верования, охватившим территорию Казанской, Симбирской, Вятской и Оренбургской епархий. Именно с этого времени в церковно-государственных мероприятиях основное место стала занимать деятельность, направленная на прочное утверждение «инородцев» в христианстве, по сути, переход от массового, но формального обращения в православие, к настоящей христианизации, то есть последовательному и глубокому укоренению православия в среде нерусских народов. В отношении коренного немусульманского населения края эта политика выражалась в борьбе за искоренение «языческих суеверий», предполагавшей ликвидацию последних оплотов «истинного язычества», ассимиляции и замене политеистических представлений христианской традицией.

Миссионерскую деятельность духовного ведомства в дореформенный период нельзя однозначно считать составной частью государственной политики, но она имела тесную взаимосвязь с внутриполитическим курсом самодержавия. Если светские органы власти использовали естественное желание церкви распространить свое учение среди «иноверцев» для продвижения государственных интересов по унификации местного населения, то для православной иерархии поддержка и помощь администрации при отсутствии сложившейся системы миссионерско-просветительских институтов, кадров миссионеров и священнослужителей, обладавших знанием языка и верований «инородцев», являлись одним из условий эффективной деятельности по насаждению христианства. По оценке самих деятелей православной миссии, изучавших историю христианско-просветительской деятельности в регионе, основными причинами принятия православия «язычниками» в первой половине XIX в. были предоставляемые государством налоговые льготы и преференции, содействие в обращении к светским органам власти[9]. Данный тезис вполне согласуется и с фактами массовых крещений чувашей-«язычников» в Самарском и Симбирском Поволжье в 1830–1850-х гг., имевших характер административно-полицейской акции, трудно согласовавшейся с нормами христианской морали и евангельского учения[10]. Подавляющее большинство православных клириков этого времени, в том числе и такие известные духовные пастыри и проповедники, как казанский архиепископ св. Филарет (Амфитеатров), казанские миссионеры протоиерей А. Гальбанский и В. Вишневский, вятский миссионер протоиерей И. Стефанов, заслужившие своей подвижнической и просветительской деятельностью уважение среди местного населения, не отделяли административные формы воздействия от собственно церковных.

Конечно, не следует однозначно сводить всю деятельность по обращению в христианство представителей традиционных верований в первой половине XIX в. к «полицейскому миссионерству». Безусловно, среди православного духовенства существовали лица, искренне ратовавшие за

распространение «света евангельской истины» среди нерусского населения, полностью отдававшиеся этой деятельности, стремившиеся донести внутреннее содержание православия до неофитов. Именно с 1830-х гг. в Волго-Уралье начинают складываться предпосылки к формированию осмысленной христианско-просветительской деятельности. Новая миссионерская идеология – у ее истоков стояли такие выдающиеся деятели церкви, как основатель алтайской миссии св. Макарий (Глухарев), «апостол Аляски» св. Иннокентий (Попов-Вениаминов), сибирские миссионеры Парфений (Попов) и протоиерей Д. Хитров (в монашестве Дионисий) – оперировавшая к «истинным» целям православной миссии, заключавшимся в глубоком и всестороннем религиозном перерождении человека посредством религиозного просвещения, проповеди на родном языке, нашла последователей среди православного духовенства Волго-Уральского региона[11]. Новыми направлениями проповеднической деятельности в этот период стали переводы христианских текстов на «инородческие» языки, открытие церковно-приходских школ, совершение внецерковных собеседований и проповедей. В то же время эта деятельность, безусловно оказавшая определенное влияние на утверждение части номинальных христиан в православии и принятие крещения «язычниками», все же не стала основополагающим фактором в распространении православной традиции среди нерусского населения края, что было связано с ее ограниченными рамками, отсутствием последовательных шагов со стороны церковного руководства в распространении религиозно-просветительских методов.

Рассмотрим непосредственные результаты миссионерской деятельности среди представителей традиционных этнических верований Волго-Уральского региона.

Опираясь на приведенные в табл. 2 данные, можно сделать вывод, что результаты деятельности по обращению в христианство представителей традиционных верований в период с 1837 г. по 1861 г. были довольно значительными и повлияли на конфессиональную архитектуру региона. Наиболее существенное продвижение православия в среду «языческого мира» отмечается в Вятской губернии. Высокая активность РПЦ по христианизации местного нерусского населения была связана с тем, что Вятский край традиционно являлся одним из оплотов «язычества», здесь проживали многочисленные группы ревнителей «веры предков», оказывавших большое влияние на своих соплеменников-христиан. Благодаря усилиям вятских миссионеров, являвшихся пионерами в области инноваций в христианско-просветительской деятельности в регионе[12], а также активной поддержке их усилий со стороны светских структур, в Николаевскую эпоху были практически полностью обращены в православие удмурты Глазовского уезда, уничтожены места их «языческого» культа. Существенны были результаты деятельности православной церкви среди удмуртов и марийцев Сарапульского, Уржумского, Елабужского и Малмыжского уездов Вятской губернии. Всего же с 1837 г. по 1861 г. было крещено до 18% всех проживавших

Таблица 2

Динамика численности принявших православие представителей традиционных этнических верований по епархиям Волго-Уральского региона за 1837–1861 гг.[13]

Год	Епархии						
	Вятская	Казанская	Оренбургская-Уфимская[14]	Пермская	Самарская	Саратовская	Симбирская
1837	-	43	43	15		60	15
1838	289	42	322	62		18	80
1839	378	32	7	19		212	27
1840	156	26	20	9		89	12
1841	67	34	197	7		46	10
1842	290	13	31	7		18	19
1843	88	9	46	5		32	8
1844	92	16	803	12		39	15
1845	176	45	110	4		29	10
1846	123	-	23	6		43	5
1847	97	57	17	4		37	6
1848	213	30	13	9		-	27
1849	175	28	5	13		1	17
1850	433	7	12	9		-	-
1851	81	11	5	5	29	46	22
1852	41	12	4	10	60	3	1
1853	68	28	13	16	св. нет	-	13
1854	168	50	51	29	123	-	1
1855	375	115	72	17	119	1	24
1856	147	46	6	26	23	1	4
1857	30	9	23	18	9	1	1 006
1858	43	9	22	8	18	-	5
1859	120	23	51	9	26	-	-
1860	95	18	-	13	20	-	-
1861	28	22	-	5	2	-	1
Итого	**3 773**	**725**	**1 896**	**337**	**429**	**679**	**1 328**

в Вятской губернии «язычников». Не менее значимые результаты были достигнуты в Саратовской и Симбирской епархиях, где в ходе государственно-церковных мероприятий фактически были полностью ликвидированы религиозные общины «истинных язычников» из числа чувашей и мордвы. Причем, если в первой из этих епархий основными причинами принятия «язычниками» православия были культурное влияние на них русского населения в контактных зонах, миссионерская деятельность православного духовенства и предоставляемые государством льготы, то во второй смена конфессиональной идентичности напрямую была связана с грубым административным давлением чиновников казенного ведомства и открытыми актами принудительного крещения. С этим связан резкий дисбаланс в показателях крестившихся за отдельные годы по Симбирской епархии. Похожую картину мы видим в Оренбургской-Уфимской епархии. Здесь значительные перепады в численности православных неофитов также мало связаны с активностью миссионерского движения РПЦ[15]. Искать ее причины следует в военно-политических событиях в Оренбургском крае в 1830–1840-х гг., связанных с расформированием Ставропольского калмыцкого

войска и переводом его соединений в состав оренбургского казачества, а также массовыми принудительными акциями обращения в христианство марийцев-«язычников» Бугурусланского уезда. Более скромные результаты отмечаются в Казанской епархии. Здесь было крещено 725 чел., что составляло около 5% от общего количества «язычников» Казанской губернии. Всего же за 25 лет по 6 епархиям[16] Волго-Уральского региона православие принял 7 271 чел., что составляло до 13% от общего числа проживавших здесь в это время «язычников».

Новым этапом в истории христианизации нерусских народов стала эпоха Великих реформ. В это время в религиозной политике государства обозначились две противоречивые тенденции. С одной стороны, признавалась необходимость отказа от активного секулярного вмешательства в дела церкви, отмены законодательных актов о предоставлении различных льгот и послаблений за принятие православия, вступивших в противоречие с нормами морали и взглядами на задачи правовой политики вестернизированного государства, каким должна была стать Россия после либеральных реформ. С другой – рост русского национализма и усиление процесса всеобщей интеграции населения империи, отмечаемые после январского восстания в Польше (1863 г.), способствовали активному использованию конфронтационного пути инкорпорации «инородцев».

Важнейшими законодательными актами, вводившими новые формы государственного регулирования миссионерской деятельности, стали «Правила о порядке совершения над иноверцами нехристианами св. крещения» от 14 декабря 1861 г. и «Правила учреждения православных братств» от 8 мая 1864 г. Первыми вводились более открытые и цивилизованные формы приобщения к православию. Запрещалось крестить детей мусульман, евреев, «язычников», не достигших 14-летнего возраста без согласия их родителей (пункт 1). Несовершеннолетних «иноверцев» разрешалось обращать в христианство только после шестимесячного утверждения в вере (ранее этот срок не превышал 40 дней) (пункт 3); таинство крещения должно было совершаться только в церкви и в присутствии благонадежных свидетелей или местного начальства, при этом свидетели должны были убедиться в искренности принятия неофитом православия, в знании основ его вероучения (пункт 5)[17]. Вторыми предусматривалось создание новой системы организации православной миссии в поликонфессиональных регионах империи. Ее основными органами должны были стать миссионерские религиозные объединения, членами которых могли стать все лица православного исповедания, готовые служить «нуждам и пользе православной церкви для противодействия посягательствам на ее права со стороны инородцев и раскольников, для создания и укрепления православия»[18]. Эти организации создавались на основе частной инициативы, финансировались за счет частных пожертвований и специальных благотворительных и церковных сборов. Государство официально в их деятельности не участвовало, финансовой поддержки им не оказывало.

Принятие этих правил законодательно оформило отказ от активного вмешательства государства в сферу миссионерской деятельности, установило приоритет просветительских форм приобщения к православию. Несмотря на это, как показала практика, администрация, исходя из политических интересов, часто сознательно шла на нарушение декларируемого курса. В частности, в Северо-Западном крае в 1863–1868 гг. полицейскими мерами в православие было обращено более 70 000 католиков[19].

В Волго-Уралье власти проводили более последовательную политику. В отличие от литовских и белорусских губерний, где утверждение господствующего в государстве вероучения среди местного населения воспринималось как акт «восстановления» его в правах в «исконно русских землях», «возвращения» в нее ранее отошедших прозелитов, в Поволжском регионе, где вследствие массовых обращений в христианство в XVIII – первой половине XIX в. единственной крупной неправославной конфессиональной группой оставались мусульмане, проблема дальнейшего расширения влияния православной церкви не являлась столь актуальной политической задачей. В рамках реализации либеральных реформ в Волго-Уральском регионе происходит отмена законодательных актов о предоставлении льгот за принятие господствующего вероучения. 24 марта 1866 г. Александр II утвердил мнение Государственного совета об отмене постановлений о смягчении наказаний членам нехристианских исповеданий, принимающих во время следствия и суда православие[20]. Сохранив возможности государственного финансового стимулирования принятия крещения для «иноверческого» населения окраины империи (евреев, казахов, калмыков, народов Сибири), государство отказалось от соответствующей помощи для нерусских народов Среднего Поволжья[21]. В ходе проведения военной реформы и введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. была отменена наиболее существенная льгота, предоставлявшаяся за крещение, – освобождение от рекрутской повинности[22].

Таким образом, в пореформенный период распространение православия среди «иноверцев» Волго-Уралья стало преимущественно делом церкви. В это время кардинально меняются и взгляды на постановку миссионерской деятельности, заключавшиеся в переориентации усилий на опосредственные формы религиозного просветительства. Новые подходы христианского просвещения, заложенные в 1830–1850-х гг., в эпоху Великих реформ приобрели реальные очертания, став основой школьной и миссионерской политики в регионе. Большая роль в этом принадлежала казанским миссионерам-реформаторам, основным идеологом которых стал известный тюрколог, профессор Казанской духовной академии и Казанского университета Н.И. Ильминский (1822–1891). В ходе знакомства с прежней постановкой проповеднической деятельности, изучения жизни и религиозных верований местных народов он пришел к выводу о необходимости кардинальных изменений в миссионерской деятельности РПЦ. В ряде своих работ он высказал принципиально новые взгляды на задачи православной миссии[23].

Основной идеей Н.И. Ильминского был отказ от жесткой привязки христианизации к национальной унификации (русификации). Во многом по причине боязни потерять свое культурное и этническое своеобразие, традиционный уклад жизни с восприятием «русской» веры, православие вплоть до 1860 г. так и не смогло стать «своей» религиозной традицией для большинства народов региона, несмотря на их номинальное крещение. Понимая это, Н.И. Ильминский предложил концепцию «этнизации» православия, гармоничного встраивания христианства в культуру и мировоззрение местного населения, без коренной ломки их этнокультурного поля[24].

Н.И. Ильминским была разработана концепция «духовного обрусения инородцев», ввода богослужения на национальных языках, создания национальных кадров православного духовенства. Понимая невозможность добиться существенных результатов принудительными методами, единственной реальной возможностью решить проблему интеграции местного населения в русское культурное и религиозное пространство он считал создание условий, при которых «инородцы» сами захотели бы воспринять православие как основной базис русской культуры и идентичности, что и было в его понимании настоящим, глубоким обрусением[25]. Важнейшим каналом христианизации должно было стать национальное образование в клерикально-миссионерском духе.

Опираясь на первых ревнителей православия из среды нерусских народов, финансовые возможности общественных миссионерских объединений, Министерства народного просвещения (МНП) и Синода, за относительно короткое время Н.И. Ильминский сумел создать мощную миссионерскую инфраструктуру, включавшую в себя широкую сеть «инородческих» училищ, местные приходские учреждения РПЦ с духовенством из представителей коренных народов Поволжья и Приуралья. С целью христианизации местных народов им была создана научно-методическая база для разработки новых алфавитов «безписьменных» народов Восточной России и переводов православных богослужебных книг на эти языки. Опыт транслитерации татарского языка на основе алфавита титульного населения страны, первоначально задумывавшийся Н.И. Ильминским с чисто утилитарными целями, связанными с утверждением в православии крещеных татар, в дальнейшем был распространен и на языки других коренных народов Поволжья и Сибири. Он стал, по мнению канадского исследователя У. Доулера, не только основой языковой политики российского правительства в восточных пределах государства, но и предтечей аналогичной политики в других европейских империях[26].

Стремление церковного руководства к демократизации миссионерского дела, привлечение к христианско-просветительской деятельности мирян, распространение и популяризация идей христианского проповедничества в пореформенный период усилили интерес в обществе к проблемам православной миссии. В церковной и светской печати появилось множество публикаций, посвященных вопросам миссионерства, формировавших опре-

деленный взгляд на личность миссионера, окрашенный романтическими чертами бескорыстного служителя, несущего «свет истины диким народам»[27]. Само понятие просветительства, по словам И.А. Зеткиной, начало рассматриваться русской интеллигенцией в традициях византийских миссионеров, которые стремились перенести в сознание и души обращенных слово Божие и комплекс современных знаний. Произошло расширение этого понятия до глобального социокультурного феномена[28].

Новые миссионерские учреждения РПЦ, значительный рост количества которых отмечается в середине 1860-х гг., строились на качественно новых принципах, основанных на идеях христианского просветительства с новым взглядом на цели миссионерского служения. Эти организации объединяли наиболее ревностных последователей православия, большинство из которых были светскими людьми, искренне ратовавшими за распространение христианства.

16 июля 1865 г. барнаульским купцом А.Г. Мальковым при поддержке архимандрита Владимира (Петров) в Петербурге было учреждено «Миссионерское общество для содействия распространению христианства между язычниками»[29]. Основной его целью признавалось «распространение православного христианства между язычниками в пределах империи и соседних стран, а также между нехристианами»[30]. После реорганизации в конце 1869 г. «Миссионерского общества...» (теперь оно начало именоваться Православным миссионерским обществом, далее – ПМО) и принятия в 1870 г. нового устава, произошло значительное увеличение его отделений в регионах империи[31]. Из Петербурга общество было переведено в Москву под управление московского митрополита, ему был придан статус всероссийского распорядительного миссионерского органа, курировавшего все миссионерские организации РПЦ в пределах империи (кроме Кавказа), Японии, Кореи и на Аляске. В немалой степени стремительному увеличению комитетов ПМО способствовало распоряжение Синода, предписывавшее местной духовной власти всесторонне участвовать в организации этих учреждений, ставя «дело об открытии миссионерских комитетов на первую очередь в ряду прочих епархиальных дел»[32].

28 мая 1870 г. открылся комитет ПМО в Вятской, 28 февраля 1871 г. – в Самарской[33], 23 ноября 1872 г. – в Пермской[34], 7 декабря 1875 г. – в Симбирской, 14 мая 1878 г. – в Нижегородской[35], в 1879 г. – в Уфимской епархиях. В Казанской епархии функции комитета ПМО были возложены на «Церковное братство во имя святителя Гурия при Казанском кафедральном соборе»[36], учрежденное 1867 г. в день обретения мощей святителя Гурия – 4 октября – по инициативе известного православного проповедника, бывшего начальника православной миссии в Пекине епископа Чебоксарского Гурия (Карпов)[37].

Под влиянием Н.И. Ильминского и его сторонников главное внимание в деятельности новых миссионерских объединений стало уделяться развитию православного, конфессионального образования среди местных народов. Особым объектом интереса православных миссионеров в Волго-

Уралье стали группы слабых в христианстве крещеных татар, «язычников» и «язычествующих» «инородцев». Активизация деятельности в отношении представителей традиционных верований наряду с практическими целями приобщения их к христианству была продиктована и опасениями их быстрой исламизации. Сама структура «языческих» верований народов края, обладавшая высокой толерантностью и открытостью к внешним культурным влияниям, позволяла им включать и ассимилировать религиозные и мифологические представления монотеистических традиций[38]. Но при «критическом росте» этих новых установок могла происходить трансформация самих традиционных верований, приводившая к естественному восприятию ее прозелитами той или иной мировой религии. В ряде случаев в бикультурной среде, где «язычники» испытывали сильное влияние мусульман, действительно отмечался массовый переход местного населения в ислам как в веру более близкую их бытовому и культурному образу жизни, к которой они «привыкли» в окружении татар[39]. В связи с этим развитие религиозно-просветительских институтов в «языческой» среде для миссионеров было важным еще и потому, что мусульман-неофитов вернуть в прежнее состояние, и тем более обратить в православие было намного сложнее, чем «язычников»[40].

Сеть конфессиональных (миссионерских) школ стала важной составляющей сложившейся во второй половине XIX в. системы миссионерских православных институтов. Наряду с обучением грамоте дети знакомились в них с содержанием православия, воспринимали суть христианских обрядов. Из числа учеников создавались здесь церковные хоры, в воскресные дни проводились религиозные собеседования. В 1886 г. указом Синода православным священникам и миссионерам в помещениях школ было разрешено совершение литургии на переносных анимистах и престолах[41]. Во время церковных служб учителя и ученики конфессиональных школ участвовали в богослужении, пели православные молитвы на родном языке и пр. Широкое развитие таких учебных заведений позволило значительно расширить присутствие церкви в культурно-религиозной жизни местных народов, сделать доступными православную проповедь и богослужение для основной массы «инородцев». Особое внимание было обращено на привлечение в эти школы детей из среды «официальных» и «неофициальных» «язычников», воспринимавших здесь основы православного вероучения.

Одним из основных направлений деятельности православных миссионеров в регионе стала организация работы по переводу на местные языки богослужебной и миссионерской литературы. В 1867 г. для централизованной деятельности по переводу христианской богослужебной литературы и ее распространению на базе Братства св. Гурия под руководством Н.И. Ильминского была создана переводческая комиссия, подчиненная в 1876 г. непосредственно ПМО. Неформально существовавшая еще до 1867 г., занимавшаяся переводами богослужебных и миссионерских книг для крещеных татар, после открытия Братства св. Гурия комиссия, расширив свои

финансовые возможности и развивая организационную структуру, распространила свою деятельность и на другие крещеные перусские народы Восточной России, получила право цензуры изданий на этих языках.

Развитие сети миссионерских школ, создание переводов религиозных текстов позволили расширить применение национальных языков в богослужебной практике, привлекать в духовное сословие представителей зарождающейся «инородческой» интеллигенции. В 1867 г. Синодом законодательно закрепляется право на посвящение в духовный сан лиц из среды коренных народов региона[42]. Для этого от них, в отличие от русских кандидатов, не требовалось наличие специального духовного образования. Им было достаточно обладать высокой православной религиозностью, знать основы христианского вероучения и русский язык, достичь 30-летнего возраста и заручиться поддержкой местного епархиального руководства. Благодаря этому представители местных народов получили возможность посещать церковные службы на родном языке, знакомиться с догматами христианского вероучения от православного духовенства из числа их соплеменников. Наряду с вводом богослужения на национальных языках предпринимались шаги по массовому строительству новых церквей, расширению инфраструктуры РПЦ в «инородческих» местностях.

Новации в системе православной миссии, качественное улучшение христианско-просветительской деятельности церкви, приведшие к значительным изменениям в религиозном сознании части номинальных христиан, затронули также и мир «истинного язычества». Благодаря вводу последовательных просветительских методов в школьную и миссионерскую практику, часть «язычников» и «язычествующих» искренне воспринимали православие и пополняли число «руссковеров». Сами «приобретения» церкви среди приверженцев политеистической традиции в пореформенный период отличались от контингента крестившихся предшествующего периода. Главными причинами смены конфессионального статуса «язычниками» стали школьное и религиозное просвещение неофитов, бытовые условия жизни, культурное влияние соплеменников-христиан, смешанные (по религиозному признаку) браки, желание через крещение повысить свой социальный статус в обществе, религиозно-просветительская деятельность православного духовенства и учителей-миссионеров.

Рассмотрим динамику численности крестившихся за период с 1866 г. по 1900 г. (см. табл. 3, рис. 1).

Как видно из приведенных статистических характеристик, за 35 лет на территории 8 епархий Волго-Уралья православие приняли 3 644 «язычника». Сопоставляя их с данными за предшествующее время, можно сделать вывод о значительном снижении количества крестившихся, что было обусловлено как отменой государственных льгот за принятие православия и переходом к просветительским методам миссионерской деятельности, так и исчерпанием в ряде епархий «ресурса» для расширения социокультурного пространства православия за счет политеистических верований. Как и

Таблица 3

Динамика численности представителей традиционных верований, принявших православие в 1866–1900 гг.[43]

Год	Епархии							
	Вятская	Казанская	Оренбургская	Пермская	Самарская	Саратовская	Симбирская	Уфимская
1866	17	28	1	2	418	13	1	13
1867	2	22	-	13	10	3	-	3
1868	11	16	-	3	12	-	-	6
1869	22	17	-	1	-	5	-	2
1870	28	-	-	7	-	-	101	21
1871	22	8	-	9	-	1	-	9
1872	12	-	1	3	-	-	1	240
1873	32	33	1	11	4	-	-	4
1874	44	27	-	29	10	3	-	4
1875	18	13	-	18	16	-	-	4
1876	29	27	12	12	4	-	-	2
1877	22	8	-	3	3	-	-	-
1878	54	4	2	10	9	-	-	2
1879	29	22	-	6	2	-	-	4
1880	15	10	-	15	4	-	4	5
1881	16	16	-	2	7	3	-	3
1882	23	7	24	1	10	1	-	3
1883	22	16	1	4	3	1	-	3
1884	12	12	-	1	7	2	-	-
1885	13	29	-	3	1	1	2	3
1886	17	10	-	5	21	3	-	8
1887	17	20	-	-	23	-	-	4
1888	134	23	3	2	7	-	-	3
1889	141	29	-	8	2	1	1	9
1890	9	8	1	3	15	1	1	-
1891	15	11	-	7	9	-	1	3
1892	35	13	-	18	19	2	-	5
1893	21	18	-	5	25	-	2	-
1894	23	20	43	17	9	-	-	-
1895	30	54	9	5	27	-	4	-
1896	23	28	-	2	41	-	-	3
1897	38	43	-	8	30	-	7	2
1898	8	34	-	2	75	-	7	-
1899	51	107	-	3	73	1	5	-
1900	69	39	-	1	11	-	8	-
Итого	**1 074**	**772**	**98**	**239**	**907**	**41**	**145**	**368**

в дореформенное время, наиболее значительные показатели обратившихся в православие характерны для Вятской епархии – 1 074 чел. В среднем в год здесь принимало крещение 30 «язычников». Довольно высокие показатели сохраняются по Самарской (907 чел.), Казанской (722 чел.) епархиям. В них в среднем ежегодно крестилось соответственно 26 чел. и 20 чел. Напротив, значительное снижение крестившихся можно наблюдать в епархиях:

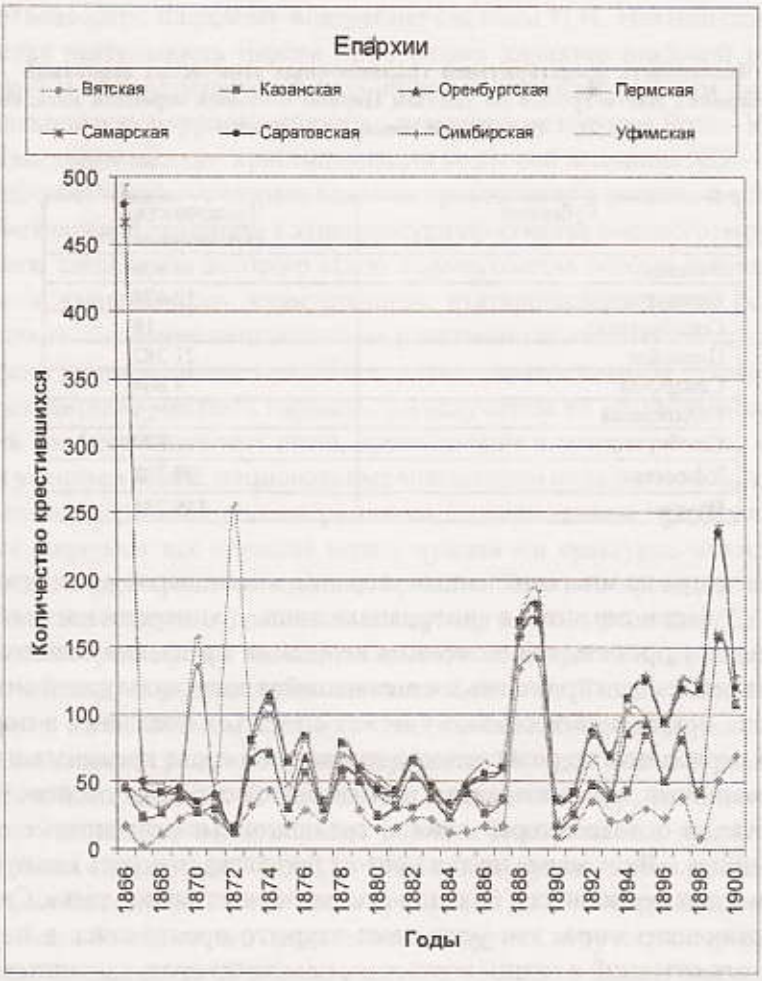

Рис. 1. Изменение численности крестившихся в 1866–1900 гг.

Уфимской – 368 чел., в среднем в год 10 чел.; Пермской – 239 чел., в среднем в год 7 чел.; Симбирской – 145 чел., в среднем в год 4 чел.; Оренбургской – 98 чел., в среднем в год 3 чел.; Саратовской – 41 чел., в среднем в год 1 чел.

Опираясь на приведенные статистические данные, можно утверждать, что, хотя православная церковь и добилась значительных результатов в крещении представителей традиционных этнических верований, полностью проблему приобщения «язычников» к православию она не решила. Потери, понесенные «миром истинного язычества» во второй половине XIX в., хотя и были существенными, все же не имели для общины катастрофического характера. Сокращение численности в «языческих» сообществах за счет выбытия лиц, сменивших конфессиональный статус, компенсировалось естественным приростом населения, вследствие чего общая численность последователей «веры предков» оставалась сравнительно стабильной (см. табл. 4).

Таблица 4

Численность представителей традиционных этнических верований в губерниях Волго-Уралья по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.[44]

Губернии	Численность «язычников»
Вятская	10 906
Казанская	12 474
Оренбургская	18
Пермская	21 382
Самарская	4 864
Саратовская	23
Симбирская	379
Уфимская	98 208
Итого	**148 231**

Несмотря на многочисленные уверения миссионеров о том, что «язычество» слабеет и держится в «инородцах» лишь по инерции и из-за боязни оставить веру предков, традиционные верования проявляли значительную устойчивость и адаптировались к изменяющейся социокультурной ситуации в регионе. Ярким примером этому может считаться появление в пореформенный период нового религиозного движения в среде крещеных и некрещеных марийцев, оформившаяся в религиозную секту «Кугу сорта» («Большая свеча») в основе которой лежали традиционные религиозные верования марийцев. «Языческие» представления продолжали играть важную роль в религиозных верованиях и большинства крещеных «инородцев». Скрытые от окружающего мира, эти установки открыто проявлялись в периоды экстренных ситуаций в жизни нерусского населения края, связанных с природными катаклизмами – засухой, неурожаем, эпидемиями и т.д. В такие периоды происходило «возвращение» номинальных христиан к прежним верованиям, отмечались массовые «языческие» моления[45].

Дальнейшее расширение христианско-просветительской деятельности среди представителей политеистических верований в Волго-Уралье наблюдается в начале XX в. Несмотря на возникшие трудности, нарастание кризисных явлений в системе миссионерских организаций, связанных с изменениями социальной и политической ситуации в стране, РПЦ продолжала расширять сеть религиозно-просветительских институтов в регионах компактного проживания «язычников», продвигать проекты по обращению их в православие. Отказавшись от идеи крещения мусульман, православные миссионеры практически полностью переключились на работу среди последователей традиционных верований и «язычествующих» «инородцев». Все большую роль в миссионерском движении церкви начинают играть представители зарождающейся духовной интеллигенции из нерусских народов края, в том числе лица из числа бывших последователей традиционных

культов. Благодаря широкому внедрению системы Н.И. Ильминского миссионерская деятельность церкви приобретает характер широкой культуртрегерской и просветительской деятельности, ставшей важным фактором национальной и культурной мобилизации нерусских народов Волго-Уралья.

Изменения методов христианизации во второй половине XIX – начале XX в. способствовали усилению влияния православия в регионе и встраиванию христианской традиции в этнокультурную «ткань» местного нерусского населения, следствием которого стало формирование особых моделей «чувашского», «марийского», «удмуртского», «татаро-кряшенского» бытового православия. Создание национальных религиозных институтов православной церкви (национальные приходы во главе с православным духовенством из представителей местных народов, богослужение на национальных языках, сеть конфессиональных школ, преподавание в которых велось на родном для учеников языке, национальные монастыри) привело к тому, что само православие перестает рассматриваться большинством представителей местных социумов как «русская вера», чуждая им культурно-цивилизационная модель религиозного сосуществования. Хотя эти процессы не были полностью завершены в досоветский период, именно в начале XX в. они обозначились рельефно и начали оказывать всевозрастающее влияние на конфессиональную идентичность местного населения. Симптоматичным, но, впрочем, не единственным примером этих изменений может служить ситуация, сложившаяся среди крещеных нерусских народов после объявления в 1905 г. свободы совести. В отличие от крещеных татар, массами «отпадавших» в ислам (по официальным данным Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, к 1909 г. к мусульманским приходам на территории Восточной России было приписано до 49 000 крещеных татар), подавляющее большинство представителей других нерусских народов края предпочло сохранить свой православный конфессиональный статус. Общее число лиц, пожелавших вернуться в «веру предков» (чуваши Симбирской и Самарской губерний, марийцы Вятской губернии[46]), в 1905–1909 гг. не превысило нескольких сотен человек[47].

С формированием в начале XX в. единого информационного и национального пространства нерусских народов, ростом их социальной и трудовой мобильности, «язычники», как и другие конфессиональные общности, начали испытывать все большее влияние мировых религий, разрушающее их прежний культурно-религиозный уклад жизни, деформирующее их традиционные верования. Именно культурные изменения в жизни становятся основной причиной, толкающей молодое поколение «язычников» на отказ от прежних верований и принятие православия.

Как видно из табл. 5, в начале XX в. число обращенных в православие «язычников» оставалось стабильно высоким. При этом по сравнению с пореформенным периодом в ряде епархий отмечается повышение показателей крестившихся «язычников». Так в Казанской епархии, где наиболее последовательно внедрялась система Н.И. Ильминского и была

создана разветвленная структура миссионерских организаций, за 13 лет было обращено в православие 590 чел. (в среднем в год крестилось 45 «язычников»). Высокие показатели сохранились в епархиях: Вятской – 518 чел., в среднем в год крестилось 39 чел.; Самарской – 285 чел., в среднем в год крестилось 22 чел.; Уфимской – 155 чел., в среднем в год крестилось 12 чел. Напротив, в Пермской (крестилось 96 чел., в среднем 7 чел. в год), Симбирской (крестилось 54 чел., в среднем 4 чел. в год), Оренбургской (крестилось 53 чел., в среднем 4 чел. в год), Саратовской (крестилось 14 чел., в среднем 1 чел. в год) епархиях численность приобщенных к православию оставалась примерно на том же уровне, что и во второй половине XIX в.

Таблица 5

Динамика численности представителей традиционных верований, принявших православие в 1901–1913 гг.[48]

Год	Епархии							
	Вятская	Казанская	Оренбургская	Пермская	Самарская	Саратовская	Симбирская	Уфимская
1901	37	35	39	-	16	-	20	18
1902	50	110	-	1	16	-	9	14
1903	35	51	-	-	5	-	-	18
1904	35	52	1	2	24	2	5	6
1905	25	32	-	13	24	5	-	7
1906	32	54	7	2	20	-	-	3
1907	46	35	-	5	32	-	4	7
1908	18	24	6	-	19	-	2	5
1909	43	44	-	3	13	-	-	8
1910	40	37	-	6	38	1	-	6
1911	52	31	-	7	34	-	5	36
1912	39	35	-	43	27	3	7	16
1913	66	50	-	14	17	3	2	11
Итого	**518**	**590**	**53**	**96**	**285**	**14**	**54**	**155**

Подводя итог проведенного анализа, можно отметить, что на протяжении XIX – начале XX в. обращение в православие последователей традиционных верований Волго-Уралья и их последующее утверждение в христианстве являлись важнейшими направлениями деятельности РПЦ. Несмотря на прилагаемые усилия православным миссионерам не удалось полностью решить проблему религиозной унификации приверженцев политеистических культов. В жесткой борьбе с мировыми религиями мир «истинного язычества» сохранил свою целостность, доказал свое право на существование, что стало важным фактором в сохранении культурного и конфессионального разнообразия Волго-Уральского региона, сохранения архаичных пластов самобытной традиционной культуры местных народов.

Источники и литература

[1] *Николаев Г.А.* Поликонфессиональная деревня Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века: «свои» и «чужие» // Чувашский гуманитарный вестник. 2010. № 5. С. 151.

[2] Таблица составлена по данным: Соображения о системе образования инородцев, обитающихся в губерниях Казанского учебного округа: (Представление попечителя Казанского учебного округа г. министру народного просвещения от 3 декабря 1869 г. за № 379). (Отдельный оттиск без указания источника. Б.м. Б.г. С. 64–65.)

[3] Эти бесермяне исповедовали ислам.

[4] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 8. Д. 772. Л. 5–14 об.

[5] См.: Красножен М. Иноверцы на Руси. Т. 1. Положение неправославных христиан в России. Юрьев, 1900.

[6] Параллельно, хотя и намного реже, применялся термин «идолопоклонники».

[7] Более подробно об этом см.: *Луппов П.Н.* Христианство у вотяков в первой половине XIX в. Вятка, 1911; *Wert P.W.* At the margins of orthodoxy mission, Governance and confessional politics in Russia's Volga-Kama region, 1827–1905. Ithaca and London: Cornell university press, 2001.

[8] Интересно, что для решения этой задачи отчасти использовался и потенциал «татарского ислама». В частности, в Симбирской губернии до 1830-х гг. для приведения чувашей-«язычников» к государственной присяге местная администрация пользовалась услугами мулл, а сам этот акт совершался с использованием Корана. См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 20775. Л. 1–6.

[9] Отчет бакалавра Н.И. Ильминского о путешествии по татарским селениям Казанской епархии в 1848 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. СПбДА. Оп. А. I. Д. 232. Л. 8 об.; Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 237. Оп. 222. Д. 334. Л. 7.

[10] См.: *Исхаков Р.* Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII–начало XX в.). Казань, 2011. С. 74, 141.

[11] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 743. Л. 91–98.

[12] Именно вятские миссионеры еще до официального введения в миссионерскую практику системы Ильминского предприняли попытки совершения богослужения на «инородческих» языках, привлечения в духовное сословие кадров из местных нерусских народов. См.: ГАКО. Ф. 237. Оп. 165. Д. 81. Л. 7–7 об.

[13] Таблица составлена по данным: Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1836–1861 гг. СПб.: Синодальная тип., 1837–1862.

[14] По Оренбургской епархии в категории «язычники» были учтены также калмыки-буддисты.

[15] Центральный государственный архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-6. Оп. 1. Д. 184. Л. 1–1об.

[16] В связи с невозможностью четко разделить крестившихся «язычников» от калмыков-буддистов данные по Оренбургской-Уфимской епархии не были учтены.

[17] Руководственные для православного духовенства. Указы Святейшего Правительствующего Синода. 1721–1878 гг. М., 1879. С. 339–348.

[18] Там же. С. 37.

[19] *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 366.

[20] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 41. № 43138.

[21] Отчет по Государственному совету за сессию 1896–1897 гг. СПб., 1898. С. 8.

[22] См.: *Загидуллин И.К.* Царизм и мусульманский вопрос в Волго-Уральском регионе во второй половине XIX века // Исламская культура в Волго-Уральском регионе: доклады международной конференции. Казань, 8–11 июня 2001 г. Стамбул, 2004. С. 238.

[23] См.: Проект миссии для татар бакалавра Казанской духовной академии Н.И. Ильминского (1849 г.) // ОР РНБ. Ф. СПбДА. Оп. 1. Д. А I/232; Отзыв профессоров Казанской духовной академии Н.И. Ильминского и Г.С. Саблукова в академическое правление о причинах отпадения крещеных татар из православия в магометанство (1858 г.) // Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 1655. Л. 15–23 об.; Мысли Н.И. Ильминского экстраординарного профессора Казанской духовной академии о мерах к усилению миссионерской деятельности среди татар (1859 г.) // ОР РНБ. Ф. СПбДА. Оп. 1. Д. А I/214.

[24] *Исхаков Р.Р.* Традиционные верования и религиозный синкретизм татар-кряшен (крещеных татар) Волго-Уральского региона в XIX – начале XX вв. // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сб. статей. Казань, 2011. Вып. 2. С. 311.

[25] *Geraci R.P.* Window on the East. National and imperial identities in late tsarist Russia. Ithaca and London: Cornell university press, 1997. P. 54–55.

[26] *Dowler W.* Classroom and Empire: The polities of schoolihg Russia's eastern nationalities, 1860–1917. Toronto, 2001. P. 153–154.

[27] *Остроумов Н.П.* Историческое и современное значение христианского миссионерства среди мухаммедан. Казань, 1894. С. 31.

[28] *Зеткина И.А.* Национальное просветительство Поволжья // Педагогика. 2002. № 8. С. 61.

[29] Новое миссионерское общество в России. СПб., 1865. С. 3.

[30] Всеподданнейшая докладная записка обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода графа Д. Толстого о деятельности Православного духовного ведомства с июня 1865 г. по январь 1866 г. СПб., 1866. С. 21.

[31] Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1869 год. СПб., 1870. С. 87.

[32] *Никольский А.* Православное миссионерское общество. Историческая записка о деятельности общества за истекшее двадцатипятилетие (1870–1895 гг.). М., 1895. С. 35.

[33] Отчет Православного миссионерского общества за 1870. М., 1871. С. 12–13.

[34] Отчет Православного миссионерского общества за 1872. М., 1873. С. 40.

[35] Отчет Православного миссионерского общества за 1878. М., 1879. С. 36.

[36] НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 48. Л. 17.

[37] В современной историографии довольно часто встречается тезис о том, что инициатива учреждения Братства св. Гурия исходила от Н.И. Ильминского. Это утверждение не находит подтверждения в документах. Сам Ильминский хотя и участвовал в деятельности этого братства с первых дней его существования, возглавлял его Переводческую комиссию, но, по всей видимости, не имел прямого отношения к его учреждению.

[38] *Николаев Г.А.* Указ. соч. С. 144.

[39] Более подробно об исламизации местных народов в XIX – начале XX в. см.: *Ягафова Е.А.* Чуваши-мусульмане в XVIII – начале XXI вв. Самара, 2009; *Исхаков Р.Р.* Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.). Казань, 2011.

[40] ОР РГБ. Ф. 424. Оп. 1. Картон 1. Д. 11. Л. 1–5; Государственный архив Ульяновской области. Ф. 134. Оп. 7. Д. 625. Л. 10–11.

[41] Сборник постановлений и распоряжений по Самарской епархии / сост. В. Соловьев. Самара, 1899. Т. 1. С. 627.

[42] РГИА. Ф. 797. Оп. 36. Отд. 2. Д. 251. Л. 17–20 об.

[43] Таблица составлена по данным: Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1866–1884 гг. СПб.: Синодальная тип., 1867–1886; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1885–1900 гг. СПб.: Синодальная тип., 1887–1902.

[44] Таблица составлена по данным: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897: Вятская губерния. СПб., 1904. Т. 10. Тетрадь № 12. С. 87; Казанская губерния. СПб., 1904. Т. 14. Тетрадь № 12. С. 101; Оренбургская губерния. СПб., 1904. Т. 28. Тетрадь № 12. С. 55; Пермская губерния. СПб., 1904. Т. 31. Тетрадь № 12. С. 95; Самарская губерния. СПб., 1904. Т. 36. Тетрадь № 12. С. 57; Саратовская губерния. СПб., 1904. Т. 38. Тетрадь № 12. С. 79; Симбирская губерния. СПб., 1904. Т. 39.Тетрадь № 12. С. 61; Тетрадь 2. Уфимская губерния. СПб., 1904. Т. 2. Тетрадь № 12. С. 39.

[45] НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 15. Л. 24; ГАКО. Ф. 237. Оп. 222. Д. 334. Л. 6.

[46] Эти «отпавшие» были потомками лиц, принудительно обращенных в православие в первой половине XIX в. при помощи местной администрации. Грубое вмешательство в тонкую материю религиозного сознания этих прозелитов привело к полному отторжению навязанной им чуждой веры. Несмотря на большие усилия, приложенные миссионерами в пореформенный период по их утверждению в православии, они сохранили преданность вере предков и легализовали свой действительный конфессиональный статус после объявления манифеста 17 октября 1905 г.

[47] О численности номинальных христиан, вернувшихся в прежнее религиозное состояние по губерниям Волго-Уралья, см.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода по Ведомству православного исповедания за 1908–1909 годы. СПб., 1910. Табл. № 17. С. 80–87. НБ РГИА. Папка 2349.

[48] Таблица составлена по данным: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1901–1913 гг. СПб.: Синодальная тип., 1901–1914.

R.R. Iskhakov

CHRISTENING AND CHRISTIAN ENLIGHTENMENT OF THE TRADITIONAL BELIEF ADHERENTS OF THE VOLGA-URAL REGION IN 1830–1913: EXPERIENCE OF HISTORICAL-STATISTICAL ANALYSIS

The article is devoted to the investigation of the implementation of the state and church course for christening and Christian enlightenment of the traditional belief representatives of the Volga-Ural region in 1830-1913. Changes are illustrated in the sphere of confessional policy of the imperial leadership, that have led to the transition to more sensible Christian-enlightened activity of the Russian orthodox church in the region. There are statistical data about the number of "pagans" religionized to orthodoxy, and the actual results of this activity.

Key words: inter-confessional relations, Christianization, traditional beliefs.